

Ирина Шевченко

ДЕМОНЫ ЕЕ ПРОШЛОГО
ГОРА РАЗДОРА
ОСТРОВ НЕВИНОВНЫХ

В соавторстве со Светланой Казаковой

СУДЬБА НА ВЫБОР

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ирина Шевченко

Остров невиновных

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Роман

 Москва, 2020
SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
ШЗ7

Серия основана в 2011 году
Выпуск 509

Художник
О. Бабкин

Шевченко И. С.

ШЗ7 Остров невинных: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 409 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3023-9

Когда-то Мартина Аллен была магом, военным хирургом, женой... Война отобрала у нее магию, а предательство близкого человека — надежду на счастье. Теперь Марти — всего лишь бывшая заключенная, отбывающая испытательный срок на забытом богами острове. Но вдруг именно здесь у нее получится начать все сначала, научиться опять доверять людям, обрести друзей и настоящую любовь? Только сначала придется разобраться со странностями древней башни, найти убийцу, встретиться с призраками прошлого, а главное — пережить надвигающийся на остров магический шторм.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Шевченко И. С., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3023-9

ГЛАВА 1

За спиной с натужным скрежетом сомкнулись створки ворот.

«Смазали бы их, что ли, — подумала Марти. — Три года назад не скрипели так».

Три года, четыре месяца и пять дней — занятно сложилось. Как нарочно подгадывали.

Она посмотрела на пустую пыльную дорогу, на знак автобусной остановки на противоположной стороне и подняла глаза к пасмурному небу. Будто отчиталась перед кем-то: вот, вышла. Что теперь?

В книгах герои, покидающие тюремные застенки, во всю глотку вопили «свобода!» или падали ниц, чтобы поцеловать землю. Но...

Вопить не хотелось. В воздухе разливалась душная, пророчившая дождь тишина, в которой тонули шорохи и редкие птичьи голоса, и казалось кощунством нарушить ее хотя бы коротким вскриком. По ту сторону ворот о тишине можно было только мечтать... А целовать землю? Нет уж, спасибо.

Постояв еще немного, словно существовало какое-то другое решение, Марти направилась к остановке. Туфли, неновые, но удобные, с утра начищенные до блеска, покрылись серым налетом. Она рассматривала их, закусив губу и оттягивая момент, когда придется поднять голову и взглянуть на место, не так давно покинутое, а взглянув, выдохнула с облегчением и немного — с разочарованием. Просто стена. Рыжий кирпич. Рыжие же от ржавчины ворота. Спираль колючей проволоки поверху — тоже рыжая, в тон редкой выгоревшей травы у обочин. И всё.

Барб говорила, что Карго-Верде никого не отпускает полностью, тянет к себе, как огромный магнит, и притяжение ощу-

щается даже спустя годы, даже за тысячи миль отсюда. Но, быть может, она говорила не о тюрьме, а обо всем острове. Или это касается лишь тех, кто не утратил способности чувствовать магию.

Марти если что-то и чувствовала — то приближающуюся грозу. Ветер усиливался. Знакомо запахло озоновым антисептиком. Плечо тянуло. Да и сгустившиеся тучи отнюдь не прозрачно намекали.

А автобуса не видно.

Ее предупреждали, что возможны задержки, если на конечной, у проходной консервного завода, не набирается достаточно пассажиров. А достаточно тех набиралось только с утра и вечером, во время пересменок.

Представив, что придется пройти три мили пешком, еще и под проливным дождем, перспектива снова оказаться по ту сторону ворот уже не казалась такой пугающей. Конечно, если вернуться лишь ненадолго. Пересидеть ненастье. Выпить чашечку чая с сестрой Лизой, та предлагала. Дождаться вечернего автобуса...

Должно быть, так и появляются байки о притяжении... Но нет.

Нет. Лучше и правда пойти пешком, подальше от рыжей стены, а автобус, если что, подберет ее на дороге.

Подберет ведь? Пусть шофер и догадается, откуда она идет, но не испугается же? С чего бы ему бояться миниатюрную блондинку в дешевом костюме и с небольшим, под стать ей, клетчатым чемоданчиком? Не бомба же у нее там? Только книга, смена белья, вторая юбка, зубной порошок и зубная щетка, которую она собиралась сегодня же выбросить, если успеет купить новую до закрытия магазинов. А если не успеет, то завтра...

Развлекая себя подобными мыслями, Марти отошла уже достаточно далеко от тюрьмы, а дождь так и не начался. Но и автобус не появился. Послышавшийся за спиной гул мотора обнадежил, однако стоило обернуться, как надежда сменилась разочарованием. Пришлось отступить к обочине, чтобы пропустить кативший в клубах пыли черный автомобиль. Вряд ли водитель выкажет желание подвезти бывшую заключенную...

Машина поравнялась с ней и притормозила.

Марти отступила еще дальше.

Когда открылась дверца, инстинктивно прижала к груди чемоданчик. Хотя, если бы вышедший из авто мужчина действительно хотел отобрать ее пожитки, сделал бы это одной левой. А правой саму Марти прихлопнул, будь у него такое желание. Не человек — медведь: высоченный, широченный, такой же лохматый. Бурый. Она как-то видела циркового медведя, тот катался на велосипеде, а этот, выходит, на автомобиле...

— Миз Аллен? — Голос у него был на удивление приятный, но плохо вязался и с массивной фигурой, и с грубыми крупными чертами лица. А вот неровный загар и густая щетина этому лицу вполне подходили. — Мартина Аллен?

Она неуверенно кивнула.

Подумала, опустила чемодан и кивнула увереннее.

— Мы знакомы? — уточнила исключительно из вежливости. Память у нее была отменная, и, если бы они прежде встречались, Марти его вспомнила бы.

— Нет. Но завтра должны были бы познакомиться. Вы ведь собирались в полицию?

Собиралась. По условиям досрочного освобождения ей надлежало зарегистрироваться в полицейском управлении Карго-Верде и далее еженедельно отмечаться у инспектора вплоть до окончания испытательного срока. Но человек-медведь инспектором быть никак не мог. Вернее, мог, но не в отделе контроля.

Он по-своему истолковал ее недоверие и отодвинул лацкан пиджака, продемонстрировав блестящую на груди звезду звана.

— Красиво, — признала Марти. — Но я предпочла бы увидеть удостоверение.

— Разглядите с такого расстояния? — хмыкнул «медведь». — Или все-таки подойдете?

Подошла. Не слишком близко, но достаточно, чтобы рассмотреть вклеенную в типовой бланк фотографию и прочитать имя и звание: Кеннет Фаулер, лейтенант, специалист по...

— Незаконное использование магии? — переспросила Марти. Хотела возмутиться, но вопрос прозвучал устало.

Лейтенант Фаулер виновато пожал плечами. Учитывая размах этих самых плеч, смотрелось комично и пугающе одновременно.

— В управлении Карго-Верде не так много сотрудников, миз, да и дел вроде вашего негусто. Поэтому контролирующего офицера назначают из числа тех, кто на данный момент свободен.

Видимо, случаи незаконного использования магии на острове тоже нечасты.

— Садитесь в машину, — предложил полицейский. — Поговорим по дороге. А то гроза начнется и вообще...

Над головой угрожающе громыхнуло, и что там «вообще», Марти так и не узнала. Но отказываться от приглашения не стала. Туфель на смену у нее нет, ног — тем более, а разговор этот все равно состоялся бы.

Чемодан Фаулер устроил на заднем сиденье, а Марти предложил место рядом с водительским.

Она не спорила. Села впереди. Поправила юбку.

Слушала урчание мотора, смотрела, как катятся по стеклу первые редкие капли. Ждала расспросов и прокручивала в голове все сказанное на прошлой неделе перед комиссией. Если понадобится, сейчас повторит без запинки, что раскаялась, осознала, усвоила все нужные уроки и никогда впредь...

— Вы были в Алатру в шестнадцатом? — наконец-то заговорил Фаулер. Фраза прозвучала скорее утвердительно, нежели вопросительно, и плечо заныло сильнее, уже не факт, что из-за дождя. — Я читал ваше дело, да. Полк Челвика... Наш стоял западнее, на Ликардийской косе...

— Мне жаль.

Чтобы сказать это, ей не нужны были подробности. Каждый, кому не повезло оказаться в Ликардии летом триста шестнадцатого года, заслуживал соболезнований. Каждый потерял там что-то или кого-то. Друзей, сослуживцев, руку, ногу, слух, зрение, спокойный сон, разум, магию... Случалось, что все и сразу. Но чтобы совсем ничего — Марти не слышала о таких счастливицах.

— Мне тоже. — Фаулер неотрывно следил за дорогой, но уголок его губ дернулся, словно лейтенант пытался изобразить улыбку. — Говорят, отличный был курорт до войны.

Теперь там мертвая зона. За прошедшие шесть лет фон практически не восстановился — Марти читала об этом в газетах, которые хоть и с опозданием, но попадали за рыжую стену. Эксперты предрекали, что в ближайшие двадцать лет в Ли-

кардии ничего не изменится. Другие, тоже якобы эксперты, только в иной области, утверждали, что случившееся станет уроком будущим поколениям, которые никогда не забудут и ни за что не допустят повторения трагедии. Но тот, кто хоть раз в жизни открывал учебник истории, слабо верил в подобное.

Уроков было достаточно. Только в последнюю Эпоху Огня, за каких-то триста двадцать два года, — три магических войны. Первая длилась одиннадцать лет. Вторая — семь. Третья, оставившая после себя Ликардийскую пустошь, сотни тысяч сирот и осколок смертельного заклятия в правом плече Мартины Аллен, — три года.

С каждым разом людям требовалось все меньше времени, чтобы понять, что они дошли до черты, за которой не будет победителей. Когда-нибудь они дойдут до нее слишком быстро и перешагнут, не успев ничего осознать. Мир погибнет в один день...

— Вы ведь не случайно проезжали мимо? — спросила Марти, глядя прямо перед собой и непроизвольно покачиваясь из стороны в сторону в такт движения стеклоочистителей. Те не справлялись с потоками воды, дождь лил уже как из ведра, и Фаулер сбавил ход...

— Не случайно.

Он не отпирался, но и не объяснил ничего.

Ничего сверх того, что уже сказал, заговорив о Ликардии. Ведь если бы продолжил, то наверняка вспомнил бы, что именно полк Челвика организовал прикрытие, чтобы вывести из-под купола смерти уцелевших. Что раненых отправляли в полевой госпиталь, который развернула приписанная к полку медицинская бригада. Что целители, от старшего хирурга до последней санитарки, до прибытия помощи двое суток провели без сна, спасая тех, кого еще можно было спасти...

Какой смысл говорить об этом?

Зачем Марти знать, что за долг отдает сейчас человек-медведь? Не ей — себе отдает, пусть и думает иначе.

Она не будет разубеждать.

Вот, в город доvez. Устроиться поможет. Подскажет, где купить новую зубную щетку...

А там и испытательный срок закончится. Год — это совсем немного.

Город Марти видела впервые.

Три года, четыре месяца и пять дней назад ее везли от парома окружной дорогой. Да и желания не было смотреть в маленькое зарешеченное окошко.

После в тюремной библиотеке нашлась карта острова. Город на ней расплывался вдоль южного побережья неровным пятном. В отличие от десятка мелких поселков, разбросанных вокруг, названия он не имел, но Марти к тому времени уже знала, что все, чему здесь не придумали иного имени, зовется Карго-Верде.

Остров Карго-Верде.

Город Карго-Верде.

Тюрьма Карго-Верде.

Лечебница Карго-Верде.

Квадратик тюрьмы на карте почти касался границ города. А лечебница — психиатрическая, и это казалось чем-то само собой разумеющимся, — располагалась на северной стороне острова. Довольно далеко, учитывая масштаб, и из этого можно было заключить, что заключенных тут опасались меньше, чем пациентов лечебницы. Правильно, наверно. В тюрьме Карго-Верде отбывали наказание женщины, осужденные за правонарушения средней степени тяжести или же за более тяжелые, но совершенные впервые или по неосторожности, и приговор учитывал некие смягчающие обстоятельства. Обычные в большинстве своем женщины, оступившиеся однажды и успевшие сотню раз раскаяться... Или нет. Но от них хотя бы приблизительно знаешь, чего ждать. Чем чревата встреча с душевнобольным — предсказать сложно...

А город?

Город как город. Ничего особенного.

В меру большой. В меру ухоженный.

Мокрый сейчас, но летние грозы тут скоротечны. Дождь вот-вот закончится, и улицы успеют высохнуть до наступления темноты.

— Мне дали адрес, где остановиться, — вспомнила Марти.

Лейтенант кивнул.

— Сказали, что нужно устроиться на работу, — продолжила она. — Это обязательно?

У нее были деньги. Собственный счет, открытый еще матерью. Его не конфисковали, и средств хватило бы на скромное жилье и пропитание на этот год.

— Обязательно, — не дал размечтаться Фаулер. — Программа адаптации и общественного контроля... Так, кажется...

Кажется. Директор Кроули говорила что-то похожее, зачитывая решение о досрочном освобождении. Нужно доказать, что она, Марти, способна жить в обществе законопослушных граждан и будет ему полезна...

Почему бы этому обществу не оставить ее в покое?

— Обычно город предлагает работу на консервном заводе, — сказал лейтенант. — Иногда приходят заявки от фермеров, которым нужны в хозяйстве лишние руки. Но я подумал, что с вашим опытом... В больницу требуются квалифицированные сестры. Это не совсем то, конечно...

Совсем не то.

Но и консервный завод не манил. Когда ветер дул с его стороны, тюремный двор наполнялся запахом рыбьих кишочек и тины, и заключенные отказывались от прогулок...

— Что представляет собой работа на ферме?

Фаулер остановил автомобиль и повернулся к Марти. Густые брови его сложились удивленным домиком, придав лицу выражение прямо-таки детской растерянности.

— Почему? В смысле...

— Не хочу в больницу. Хватило тюремного лазарета и... тех трех лет... Устала. От чужой боли. Да и от людей вообще. На ферме их будет не так много, наверное... Да?

— Не знаю, — после паузы признался лейтенант. — Но в любом случае не думаю, что вам это подойдет. Физический труд, он... А вы...

Взгляд, скользнувший по хрупкой фигурке Марти и задержавшийся на тонких, сцепленных в замок пальцах, был красноречивее слов.

— Есть еще одно место, — неуверенно проговорил Фаулер. — В городском архиве. Работа с документами, но специального образования не требуется, и людей там почти нет...

— Мне подходит, — поспешно согласилась она.

— Замечательно. Тогда я уточню условия и завтра свожу вас в архив. А сейчас покажу вам... э-э... квартиру...

Когда они вышли из машины, дождь еще продолжался, так что снаружи свое новое жилище — трехэтажную кирпичную коробку — Марти не рассмотрела. А внутри оно было весьма неплохим... В сравнении с тюрьмой.

— Автомат. — Фаулер указал на висевший у лестницы телефонный аппарат. — Звонки только по острову, зато бесплатно. К слову... — Он достал из кармана визитку. — На всякий случай. Тут номер управления и мой домашний...

— Спасибо.

— Если что-нибудь понадобится...

— Спасибо, лейтенант.

Для адаптации в обществе город выделил Мартине Аллен квартирку на втором этаже. На десяти квадратных ярдах, не обремененных лишними перегородками, разместились кровать, шкаф, стол, стул, умывальник и газовая плита на две конфорки. Из единственного окна открывался волшебный вид на стену соседнего дома. А «удобства», как, смущаясь, пояснил человек-медведь, располагались в противоположном конце общего коридора.

Видимо, кто-то здраво рассудил, что адаптация должна быть постепенной и не следует резко улучшать жилищные условия недавних заключенных.

— Спасибо, лейтенант, — в очередной раз поблагодарила Марти, когда Фаулер, присутствие которого делало комнату в два раза теснее, разъяснил, где тут лежит постельное белье и посуда. — Думаю, я разберусь.

— Но...

— Я хотела бы отдохнуть, простите. Если у вас больше нет вопросов...

Он остановился в дверях. Обернулся.

— Всего один, миз Аллен. Почему вы согласились признать себя виновной?

Этого вопроса Марти не ждала, но и врасплох он ее не застал.

— Потому что я виновна, — ответила она с кроткой улыбкой. — Но я раскаялась и обещаю никогда не повторять прежних ошибок.

Разочарование, промелькнувшее во взгляде Фаулера при прощании, было ей непонятно. Ведь говорила она совершенно искренне.

Виновна, да.

В глупости.

В недалёковидности.

В детской мечтательности, от которой к двадцати пяти годам другие уже избавляются, а Марти — не смогла. Слишком долго до этого приучала себя во что бы то ни стало верить в лучшее.

И Томми казался таким же мечтателем.

Он был на три года старше ее и почти на две головы выше. Темноволосый, зеленоглазый. Красивый, как статуи древних богов из альбомов, что он таскал с собой в папках с чертежами в память о мирной жизни...

В той жизни Томми был архитектором. Вместе с друзьями по университету работал над проектом нового выставочного центра. В первый день войны с теми же друзьями написал прошение о зачислении в инженерные войска. Добровольно, ведь повестку Томасу Энтони Стайну, лорду истинной крови, не прислали бы. Скорее его отговаривали бы, предлагали бы остаться в столице или отправиться на Священный Архипелаг... Но в роду Стайнов хватало наследников, чтобы всерьез переживать о судьбе младшего и последнего в очереди.

Все это Марти узнала далеко не сразу. Где-то через месяц после знакомства. А в первую встречу они и не разговаривали толком. Томми лежал на столе, а Марти стояла над ним со скальпелем...

На фронт она тоже попала добровольцем. Ушла с последнего курса медицинского и диплом получить не успела, но на второй год войны это никого уже не интересовало, и Мартина Аллен официально числилась хирургом полкового госпиталя.

После Томми сказал, что испугался, когда ее увидел. Худенькая и невысокая, с узким личиком и спрятанными под косынку волосами, она показалась ему совсем юной девчонкой, которая понятия не имеет, что делать. А Марти так и не призналась ему, что на самом деле тогда растерялась. Дважды.

В первый раз, когда увидела его ноги.

Жидкий огонь был одной из последних вражеских разработок. Дарнийцы заряжали им снаряды или разливали по земле, и та превращалась в смертельную ловушку... Томми повезло, что он не потерял сознание от боли и успел выбраться из очага до того, как огонь поднялся выше и распространился по всему телу, но ступни и голени выглядели воистину жутко. Три ожога в одном: термический, химический и магический...

Во второй — когда поняла, что наркоз не действует.

Лорды истинной крови невосприимчивы к анестетикам. Но разве Марти думала, что перед ней лорд? Лорд инженер-капитан? Она такого и в самых безумных фантазиях не представила бы. И дозу для инъекций взяла максимальную. Выждала положенное время и, уверенная, что все идет как надо, начала срезать остатки расплавленных сапог, обгоревшую ткань и лоскуты сварившейся кожи...

Тогда и увидела, что глаза у инженера зеленые. И открыты. По щекам слезы текут, а по подбородку — кровь тонкой струйкой из прокушенной губы.

У лордов болевой порог выше, чем у магов вне родов, не говоря уж о неодаренных, но все же не настолько, чтобы резать их на живую... А Марти резала. Выхода другого не было. Сон сплести у нее не вышло бы, а глушилки, как назло, оказались разряжены.

— Потерплю, — сказал Томми, когда она выпалила это скороговоркой. — Если... согласишься сходить со мной на свидание...

Марти не знала, сможет ли он вообще ходить, но в тот момент решила, что сделает для этого все возможное. И сделала.

Или только думала так, а на деле Томми был обязан выздоровлением свойствам собственной крови.

Тогда это казалось не важным.

Главное, ходить он мог. И свидание у них было. Затем второе. И третье. И...

Много всего было.

Та же Ликардийская коса. И после...

Тоненькое серебряное колечко, которое Томми достал из нагрудного кармана. А Марти приняла не задумываясь.

Но, если бы и задумалась, все равно приняла бы.

В то время все виделось иначе и жить хотелось как никогда. А доктора не давали гарантий, и война еще продолжалась...

...ровно месяц после того, как их обвенчали в полуразрушенном храме под далекие взрывы и умиленное всхлипывание госпитальных сестричек.

Еще через месяц Томми увез ее к морю. Купил домик в маленьком городке на юге, где их никто не знал. Сказал, что ему все равно, где жить, а Марти целители рекомендовали тепло и солнечные ванны.

На самом деле рекомендаций было намного больше, и она честно выполняла их все. Полгода. Пока не пришло первое письмо из столицы.

Матушка Томми с прискорбием сообщала, что его дядя по отцу и оба кузена скоропостижно скончались вследствие вероломной атаки дарнийских магов на Архипелаг... Не только дядя и кузены Томми — погибло двадцать магов, одиннадцать из которых были лордами. Едва прекратившаяся война могла возобновиться... Но обошлось каким-то чудом и усилиями дипломатов.

А скорбь матушки Томми очень уж походила на радость, ведь смерть родственников на несколько ступеней приблизила ее сына к месту главы рода.

Томми не рвался его занять. Говорил так.

Никто и не рассматривал его в этой роли. Иначе не позволили бы выбрать архитектуру, а отправили бы изучать финансы или право. И проследили бы, чтобы не попал на фронт. И жену ему подыскали бы подходящую.

Женитьбой сына леди Амалия Стайн была особенно недовольна и не постеснялась высказать это недовольство, нагрянув к ним без предупреждения.

Холеная красавица без возраста. Ледяная королева... Марти не знала, как к ней обращаться. А леди Стайн к Марти не обращалась никак. Она разговаривала только с сыном, которого называла безответственным мальчишкой, не оправдавшим надежд ни ее личных, ни покойного своего отца, ни деда, еще вполне живого... пока...

Томми извинялся после ее ухода. Говорил, что матери придется смириться с его выбором, ведь разводы у лордов не приняты.

Но леди Амалия никак не смирялась.

И Томми становился мрачнее день ото дня. Молчаливее. Дальше...

Когда он успел стать совсем далеким?

Сколько ни старалась, Марти не смогла найти ответа на этот вопрос. Хоть времени подумать у нее было достаточно. Три года, четыре месяца и пять дней...

Лорды не разводятся. Это так. Но закон и внутренние обычаи в ряде случаев позволяют им аннулировать брак. Например, если тот заключен обманом.

Полуслепому старику можно подsunуть на подпись брачный договор, а нотариуса представить торговым агентом. С молодым здоровым мужчиной такой фокус не пройдет, но если использовать приворот...

А приворот — это уже уголовное преступление. Воздействие на разум и волю. Случайностью не объяснишь, штрафом не отделаешься...

Думал ли Томми о том, что ее ждет, или ему просто нужно было избавиться от неудобной супруги и не важно, какой ценой?

Ответа на этот вопрос Марти тоже не знала.

Все случилось быстро...

Арест. Камера. Допросы.

Знакомая подпись на заявлении о возбуждении дела.

Протокол клинико-магической экспертизы, подтвердившей, что Томас Энтони Стайн в течение неопределенного времени подвергался воздействию...

Марти не верилось, что все это — на самом деле. Она просила дать ей поговорить с мужем. Хотела, чтобы он объяснил все...

— Нам не о чем говорить, — бросил он, столкнувшись с ней в день слушания.

На вопросы обвинителя и адвоката в зале суда он отвечал так же коротко и сухо. В сторону Марти не смотрел.

Зато леди Стайн заливалась слезами.

Конечно, она с самого начала догадывалась, что что-то не так...

...но подобного и предположить не могла.

Но, если подумать, приворот — единственное объяснение. Разве иначе ее сын женился бы на такой?

Марти ведь немолода уже. Некрасива. Не может похвастать ни происхождением, ни хотя бы достойным воспитанием. И репутация у нее... Ведь все знают, чем занимались такие, как она, в военных лагерях...

Последнее было особенно мерзко.

Даже обвинитель поморщился.

И судья предупредительно кашлянул в кулак...

Но и только. По остальным пунктам разногласий не возникло.

Бесплатный защитник, которого Марти выделили, и не пытался убедить суд в несправедливости выдвинутых против нее обвинений. Предлагал сразу признать вину. Быстрее будет. Проще. Приговор можно выхлопотать мягкий, с учетом ее, Марти, прошлых заслуг, и если напирать на то, что сделала она все не ради наживы, а исключительно под влиянием обуявшей ее страсти...

Марти обещала подумать.

И думала.

О том, что могла бы нанять другого адвоката. Связаться с фронтовыми друзьями и командирами, с наставниками из университета. Они не отказались бы ее поддержать. Вызвала бы свидетелей — тех, на чьих глазах разворачивался их с Томми роман, и тех, кто присутствовал на венчании. Священника, чтобы он подтвердил, что брак их был добровольным союзом и храмовые реликвии не почувствовали ни на женихе, ни на невесте сторонней магии...

Но нужно ли?

Если от нее решили избавиться, могут сделать это и другим, не настолько гуманным способом. А если какие-то древние правила не позволяют лордам крови убивать неугодных жен, выйдет и того хуже. Потому что разводы у них запрещены, и Марти придется всю жизнь провести с человеком, чувства к которому умерли в один день.

Еще и с матушкой его...

Бесплатный защитник не обманул насчет приговора. Злонамеренное воздействие на разум и волю каралось тюремным заключением до двенадцати лет в зависимости от величины нанесенного ущерба, физического, материального и морального. Мартину, уже не Стайн, а снова Аллен, изучив перечень ее наград и состояние банковских счетов, приговорили к пяти. С правом досрочного освобождения по истечении двух лет.

Год назад она пыталась этим правом воспользоваться, но комиссия не сочла ее в достаточной мере раскаявшейся и готовой к возвращению в законопослушное общество.

Почему?

Скорее всего, потому что директор Кроули попросила. И в чем-то Марти ее понимала. Заключенных в тюрьме под две сотни. Охранники. Повара... А доктор — один. И сестра Лиза,

толку от которой немного. Вот Марти и отправили отбывать наказание в лазарете. Неофициально, естественно.

Перед этим директор долго изучала ее дело, а после вызвала на личную беседу. Расспрашивала зачем-то о родителях, об учебе, тяжело ли было в полковом госпитале...

Потом вдруг начала рассказывать сама.

Война обошла остров Карго-Верде стороной, но все же коснулась его обитателей. Здешних мужчин, как и живших на материке, призывали на фронт. Женщины так же ждали. Консервный завод работал в три смены, выполняя повышенный план по заготовкам, а заключенные в тюрьме шили брезентовые палатки и мешки для трупов.

Сын Эдны Кроули вернулся в таком домой...

Никогда больше эта сухопарая женщина с седыми, коротко стриженными волосами, тонкогубым ртом и цепким взглядом холодных голубых глаз не позволяла себе подобных приступов сентиментальности. Но Марти запомнила тот разговор. И вопрос, прозвучавший в самом его конце, — тот же, что задал ей сегодня Фаулер.

— Откуда вам знать, что я этого не делала? — спросила тогда Марти.

— Я не знаю, — ответила директор Кроули. — Карго-Верде знает.

ГЛАВА 2

Как и предполагалось, дождь не затянулся.

Когда стихло журчание в водосточных трубах, а в окно, странным образом игнорируя преграду в виде близко стоящего соседнего дома, заглянуло солнце, Марти вспомнила о зубной щетке.

Действительно, нужно купить новую.

И вообще прогуляться.

Не то чтобы хотелось — она успела отвыкнуть от прогулок, от пространства, ничем не ограниченного, и отсутствия наблюдателей, — но надо.

Осмотреться. Ей ведь тут жить.

И щетку купить. И продуктов каких-нибудь. Или узнать, нет ли поблизости недорогого кафе.

Найти парикмахерскую. Одним из плюсов лазарета были ножницы, там их от нее не прятали. Марти наловчилась стричь себя сама и только вчера подровняла волосы по линии плеч. Вышло аккуратно, но в будущем лучше поручить это мастеру...

В банк можно не торопиться, наличных на первые дни хватит, но разведать, где он находится, не помешает.

И приглядеться к здешним магазинам: позже нужно будет приобрести что-то из одежды. Платье, быть может...

Ей многое предстояло сделать, и если думать сейчас обо всем и сразу, то можно и правда почувствовать пресловутое притяжение тюремных стен, за которыми нет подобных хлопот, а жизнь подчинена четкому распорядку.

Поэтому Марти долго думать не стала... Только о том, что при случае нужно прикупить еще и сумочку. А пока достала из чемодана завернутые в платок деньги и сунула в карман жакета. Во второй, закрыв дверь, положила ключ.

Прошла по длинному коридору. Спустилась по лестнице.

Было... страшно?

Нет. Другое.

Неловко.

Странно.

Дом казался пустым. Видимо, большинство жильцов были на работе в это время, а остальные тихо сидели по своим квартирам.

Марти порадовалась, что не столкнулась ни с кем из них.

На улице ей встретился пожилой мужчина, и она невольно отступила, освобождая дорогу. В последний момент одернула себя, чтобы не отвернуться... к стене, которой тут не было, и руки свести за спиной...

Привычки?

Она и не подозревала, что обзавелась подобными.

А старик прошел мимо, старательно перешагивая лужи, и на Марти даже не взглянул.

После были другие прохожие. Мужчины и женщины. Дети, пробежавшие веселой ватагой... Марти уже не отшатывалась в сторону, лишь опускала глаза. Иногда она чувствовала на себе любопытные взгляды, но это любопытство не было подозрительным или недобрым — просто мимолетный интерес, возникающий, когда видишь в знакомом месте незнакомое лицо...

Заблудиться Марти не боялась. Не с ее памятью.

Она прошла три квартала по прямой. Свернула налево. Уткнулась в окруженный кованой оградой парк, то ли муниципальный, то ли прилегающий к какому-нибудь частному особняку, и повернула направо...

Зубную щетку нашла в магазине с обещающей вывеской «То, что надо!». Там же купила крем для рук и маленькое махровое полотенце.

На кассе покупки сложили в бумажный пакет, и еще два квартала Марти прошагала, уткнувшись в него носом. Крем пах аптечной ромашкой, полотенце — свежестью новой ткани, а щетка — щеткой. И это было потрясающе!

Но не настолько потрясающе, как тот аромат, что на перекрестке едва не сбил ее с ног.

«Пирог тетушки Энн»...

Пирог!

С мясом. С капустой. С грибами. С яблоками. С рыбой. С клубникой. С сыром. С печенью. С яйцами...

Марти стояла перед вывеской и думала, что в мире, наверное, нет ничего, что нельзя было бы запихнуть в пирог.

С тыквой. С ревенем. С заварным кремом...

«Я должна попробовать их все», — сказала она себе. Задача выполнимая, учитывая, что в этом городе ей предстоит провести целый год. И начать можно немедленно.

Маленький и по-домашнему уютный зал кафе пустовал.

Марти неуверенно остановилась у входа, пересчитала накрытые клетчатými скатерками столики, но не выбрала ни один из шести и прошла к стойке. Присела на высокий табурет, устроив на коленях пакет с покупками. Откашлялась негромко, привлекая внимание того, кто чем-то шуршал в скрытом от глаз посетителей темном закутке.

— Минутку! — отозвался приятный женский голос.

Марти представила себе его обладательницу — тетушку Энн — в годах уже, но еще моложавую крашеную блондинку, улыбчивую и пухлую, словно сдобная булочка. И обязательно — в кружевном передничке.

Когда плод ее воображения материализовался за стойкой, ни капли не удивилась.

— Новенькая? — с ходу полюбопытствовала «тетушка».

Марти поежилась под ее оценивающим взглядом.

— В каком смысле? — уточнила немного нервно.

— Недавно в городе?

— Первый день.

— Парома не было.

Прозвучало это... Кто бы знал, как оно прозвучало. И зачем. Хотя можно догадаться.

— Не было, — согласилась Марти, сползая с табурета.

Ну и ладно. Переживет.

И не такое переживала.

— Да сиди ты, — вздохнула «тетушка» и, развернувшись, убрела обратно во тьму. — Уже и спросить нельзя.

Пока Марти гадала, что бы все это значило, толстушка вернулась и поставила перед ней чашку чая и тарелку с большим куском пирога...

— За счет заведения.

Это было до того странно, что стоило, наверное, встать и уйти. На всякий случай.

Но пирог...

Горячий еще. Румяный. С яблоками. И с корицей. Ароматный до умопомрачения. Тающий во рту...

Марти не заметила, как съела весь кусок, а потом собирала пальцем оставшиеся на тарелке крошки.

— Бернис, — с улыбкой представилась «тетушка», когда и крошки закончились.

— А кто же Энн?

— Прабабка моя. Умерла, когда я еще пешком под стол ходила. Но пироги по ее рецептам, даже не сомневайся.

— Не буду, — пообещала Марти. — Очень вкусно. Спасибо вам, Бернис.

— Всегда пожалуйста...

— Мартина.

— Пожалуйста, Мартина. И приятно познакомиться.

— Взаимно. Я... — Марти нащупала в кармане деньги. — Я не лопну, если закажу еще кусочек?

Мир сложен и многогранен. Как и создания, населяющие его.

Лорды истинной крови, издревле владеющие не подвластной никому, кроме них, силой, источник которой скрыт на островах Священного Архипелага.

Маги, плетущие свои заклинания из энергии стихийных потоков.

Ведуны-природники.

Оборотни.

Заклинатели духов.

Ученые, чьи изобретения, не несущие в себе и толики магии, способны соперничать с мощнейшими артефактами...

А есть обычные, казалось бы, люди, не наделенные ни магической силой, ни научным умом, но обладающие тем не менее воистину чудесными талантами.

Печь пироги, например.

Или рассказывать истории, от которых теплеет на сердце.

Или слушать.

И не задавать лишних вопросов.

Марти не планировала заводить друзей, а Бернис к ней в друзья и не набивалась. Только спросила, с сомнением поглядев на ее руки:

— На консервный?

Марти помотала головой, дожевала пирог и сказала, что инспектор обещал ей место в архиве.

— Дело, — закивала Бернис. — Джо не помешают помощники.

После шести, словно так тут было заведено, в кафе начали собираться посетители. Они рассаживались за столиками. Некоторые подходили к стойке. Говорили о чем-то своем с неизменно улыбчивой «тетушкой»...

Но Марти не чувствовала себя забытой.

Никто не чувствовал.

Бернис умудрялась уделить внимание каждому.

А когда кто-нибудь начинал с любопытством коситься на Марти, с радостью это любопытство удовлетворяла, не касаясь ненужных тем.

— Это — Мартина, — сообщала Бернис законопослушному обществу, в котором Марти благодаря пирогам почти уже адаптировалась. — Она будет работать у Джо.

После этой волшебной фразы Марти из незнакомки тут же превращалась в свою. Причем, как выяснилось, совсем не важно, кто произносил «заклинание».

— Это — Мартина, — сказала пожилая дама пришедшей позже подруге, тоже в годах и, видимо, глуховатой, потому что адресованные ей слова звучали на весь зал. — Будет работать у Джо.

И да, это сработало. Старушка заулыбалась, дружелюбно кивнула Марти и тут же о ней забыла, чтобы отдать должное выпечке.

Занятно.

Если бы подобное происходило в баре и все участники действия употребляли алкоголь, это легко объяснялось бы. Но в «Пирогах» не подавали ничего крепче кофе.

Откуда же тогда чувство легкого опьянения?

От людей, наверное. От общения.

В тюрьме Марти его не искала. Не испытывала такой потребности. Не вела душевных бесед с сокамерницами, не вступала в споры. Несколько слов, сказанных коротко и по существу, обычно хватало. За ней закрепилась репутация молчуни. Кто-то считал высокомерной стервой. Однажды бросили в спину презрительно «леди!»... и Мартина Аллен в первый и последний раз провела сутки в карцере как зачинщица драки. Синяки неделю еще сходили с лица, и ребра болели, но с разговорами уже не лезли...

Может, Бернис все-таки маг? Или природница, сдабривающая лакомства особыми травками?

Проверить это Марти не могла.

А вот убедиться еще раз в действенности волшебных слов возможность представилась.

— Новенькая? — спросила присевшая на соседний табурет женщина лет тридцати пяти.

Тон ее показался Марти вызывающим.

И внешность тоже.

Рубашка в клеточку. Брючки узкие. Вьющиеся каштановые волосы собраны на макушке в растрепанный пучок. И лицо слишком яркое даже без косметики. Глаза синие. Губы кроваво-красные. Ресницы и брови густые и темные...

— Я — Мартина, — попыталась Марти скопировать тон Бернис. — Буду работать у Джо.

И...

...что-то пошло не так.

— Мило, — проговорила незнакомка, выдержав долгую паузу. И по-мужски протянула раскрытую ладонь: — Джо.

— Простите, — пробормотала Марти, поняв, что ни о каких новых работницах ее собеседница до этой минуты понятия не имела. — Я...

— Ты-то тут при чем? — отмахнулась Джо. — Где этот пес? Она посмотрела на застывшую за стойкой Бернис, а та указала взглядом куда-то за окно.

Джо выскочила на улицу, и Марти опять не удивилась: у кафе стоял черный автомобиль лейтенанта Фаулера.

Значит, сейчас во всем разберутся.

Только хорошее настроение улетучилось так же внезапно, как пришло, сменившись напряженным ожиданием.

В гневе Джоан Гарнет была страшна.

Так страшна, что любой, кто видел это однажды, в следующий раз предпочел бы оказаться на вершине извергающегося вулкана или в лодке посреди штормящего моря, только не рядом с разгневанной миз Гарнет.

На счастье Кеннета Фаулера, сейчас она была лишь немного... совсем немного раздражена. Иначе он успел бы завести мотор и уехать, прежде чем Джо запрыгнула на пассажирское сиденье его машины и захлопнула дверцу.

Стекло задребезжало. Но не треснуло.

— Прости, — сказал Фаулер.

Джо задумчиво посмотрела на свои ногти. Длинные. Острые. Покрытые алым лаком, но давно, так что тот уже облупился на кончиках...

— Ты же говорила, что не справляешься одна, — предпринял вторую попытку Фаулер.

— Зря.

— Что — зря? — осторожно переспросил лейтенант.

— Зря говорила, — хмуро отозвалась Джоан. Глянула на него исподлобья и выпалила сердито: — Вот скажи, о чем ты вообще думаешь? Сначала — мальчишка из психушки, теперь — девчонка из тюрьмы.

— Адам не из психушки.

— Да? То-то он бывает там чаще, чем в архиве. Помощничек!

Фаулер предусмотрительно промолчал.

— Я ведь действительно не справляюсь, Кеннет! Я уже готова спалить эти бумажки, потому что понимаю, что мне жизни не хватит, чтобы их разобрать. Мне нужны нормальные работники, а ты подсовываешь каких-то... убогих... Вот какой толк будет от этой бледной девицы?

— Она не девица...

— Мм? — Джо насмешливо вздернула бровь.

— Ей тридцать один, — объяснил Фаулер. — Просто выглядит... так... И она — военный хирург. В прошлом.

— В прошлом. — Джоан вздохнула. — Прошлое нужно отпустить, Кен. Тогда оно, быть может, отпустит тебя. А эта Мартина... Ее ведь не за проявленный героизм сюда отправили? Еще и запечатали.

— Запечатали ее не по приговору. Раньше.

— Срыв?

Лейтенант покачал головой:

— Отсрочка.

Осколочное ранение почти в самом конце войны. На первый взгляд не слишком серьезное. Но снаряд оказался с сюрпризом от дарнийских магов. Осколок извлекли, а нейтрализовать закрепившееся в месте поражения заклинание не смогли. То подпитывалось за счет собственной магической энергии жертвы и продолжало ее убивать. В случае Мартины Аллен, которая магом была не самым сильным, — медленно. Целителям хватило времени, чтобы разобраться, что к чему, и сделать то единственное, что еще можно было сделать, — запечатать каналы.

— Значит, если снять печати, она умрет? — спросила Джо, выслушав объяснения. — Печально. Хотя... все мы умрем однажды... И это — не та причина, по которой я впускаю ее в свою башню.

— Остров ее принял.

— Ой, я тебя умоляю! — Джо кисло скривилась. — Бернис всего лишь угостила ее пирогом.

— Но она ведь как-то попала к Бернис? — вкрадчиво проговорил Фаулер.

Нужного впечатления на госпожу архивариуса его слова не произвели.

— Все ходят к Бернис, — фыркнула она. — А ты должен был прийти ко мне. Если не до того, как пообещал этой недевице место в архиве, то сразу же после.

— Я собирался.

— И что тебя задержало?

Он шумно выдохнул, но... Она ведь все равно узнает. И будет только хуже, если не от него.

— Труп.

Джоан нахмурилась. Впилилась в Фаулера тревожным взглядом.

— Да, — подтвердил он. — Уже второй. Раннер просил придержать информацию до уточнения, но, как по мне, случаи полностью идентичны.

Убийства на острове происходили и раньше. Население города по данным последней переписи — семь тысяч с мелочью. Еще три тысячи человек проживали в поселках и на фермах. Не может столько людей обитать на ограниченном участке суши исключительно в мире и согласии, так что всякое бывало. И драки с поножовщиной, и семейные ссоры. Даже ограбления с летальным исходом для жертвы, а иногда — и для грабителей.

Но магией там, как правило, и не пахло.

А теперь вот второй случай за месяц. И снова бродяга из тех, что непонятно как попадают на Карго-Верде и неясно, на какие средства тут существуют. Мэр и шеф Раннер пытались высылать их обратно на материк, но оттуда строго погрозили пальцем: мол, после войны бездомных везде хватает, и вы потерпите.

— Мужчина. На вид от пятидесяти до пятидесяти пяти, — выдал скудную информацию лейтенант. — Документов при нем не было. Вещи еще проверяют на наличие меток, но я бы не сильно рассчитывал.

— Способ тот же? — Джо задумчиво поскребла переносицу алым ноготком. — Обездвижили и выпустили кровь?

— Да.

— И след?..

— Такой же. Ощутимый, но... — Фаулер поморщился, кому нравится признаваться в бессилии и некомпетентности? — Не знаю, что его оставило. Может, оружие. Может, заклинание, которым вырубил жертву. Может, сам убийца...

— Ага. Погоди-ка. — Джо распахнула дверцу и высунулась из машины. — Эй, новенькая!

Мартина Аллен, не успевшая далеко отойти от кафе, замерла и с опаской обернулась на окрик.

— Купи будильник, — приказала ей Джо. — Заеду за тобой в девять. — Вернувшись на место, командовала уже Фаулеру: — Поехали!

— Куда?

— В морг. И не говори, что сам не собирался мне это предложить.

— Не скажу.

Спустя час они сидели на капоте его машины, смотрели на солнце, медленно тонущее в красно-лиловом море, и пили дешевое бутылочное пиво. Джоан чем-то нравился этот сорт, а Фаулер привычно не спорил.

— Странно, — проговорила она в который раз. — Очень странно.

Определить происхождение магического следа на трупе ей тоже не удалось. Как и в первый раз. Но тогда неудачу можно было списать на то, что тело обнаружили не сразу и с момента убийства прошло больше двух суток. Сейчас же в их распоряжении был вполне себе свеженький покойник. По заверениям патологоанатома, еще с утра бедолага был бодр и вполне здоров. Что, к слову, тоже странно: обычно бродяги страдают целым перечнем всевозможных болячек.

— Странно, — повторила Джо. — Но есть и хорошая новость.

— Какая?

— Тебе не отшибло нюх. Было такое подозрение. Или же... мы оба вдруг лишились способностей. Но тогда это уже плохая новость. — Она подняла бутылку к лицу, посмотрела на ту вприщур. В бутылке забулькало, а из горлышка повалил пар. — Не лишились, — констатировала Джо. — Значит, все-таки хорошая. Если не считать того, что у нас тут творится неведомая хрень...

Фаулер отобрал у нее бутылку с испорченным пивом, зашвырнул в кусты, а ведьме отдал свое.

Хотя называть Джоан Гарнет ведьмой было не совсем правильно. Дар природницы у нее сочетался со способностями мага-структурника. В пятнадцать лет ее даже отправили на материк, в какой-то университет, где подобных уникамов то ли изучали, то ли обучали, но через полгода, к радости одноклассников и неудовольствию учителей, Джо вернулась в школу Карго-Верде. Сказала, что в университете было скучно. Злопыхатели шептались, что ее оттуда выгнали, но другие, в том числе и Кен Фаулер, считали, что это остров ее не отпустил.

— Может, съездим на место? — спросила Джоан. — Ты сказал, его нашли у дороги к старому порту. Это всего в часе езды отсюда.

— Пока доберемся, совсем стемнеет. Да и был я там. Ничего. Дождь, конечно, размыл следы, но искажений фона нет. Отпечаток только на теле, как и в прошлый раз. Кровь не собирали. Если это — попытка провести какой-то ритуал, то она провалилась.

— Вторая хорошая новость, — подытожила Джо. — Что говорит Раннер?

— Он говорит: «Фаулер...» Брань опустить? Тогда он говорит: «Фаулер!» — а после долго и выразительно молчит. Мне не нравится, когда на меня так... молчат.

На бродяг Раннеру плевать. Пусть хоть все перемерут.

Только не так.

Нож в спину, камнем по голове... Возможно, и дела заводить не стали бы. А завели бы — повесили бы на такого же бездомного, первого, кто попался бы на краже или проникновении на территорию частной собственности.

Фаулер таких решений не одобрял, но не факт, что он о них вообще узнал бы. Его привлекали только тогда, когда была задействована магия. Не сказать, что это случалось слишком часто, но оклад свой лейтенант честно отработывал. То соседи сцепятся за спорный клочок земли и давай практиковаться в рецептах из прабабкиных фолиантов — кто на кого позакovskyристее порчу найдет. То сомнительные артефакты с материка привезут. То заклятые подружки мужика не поделят. У кого-то любовь, у кого-то ненависть. Кому-то вороны мешают.

Смертельные случаи тоже были. Но не такие. Там все понятно было, а тут...

— Давай попробуем разобраться, — предложила Джо. — Что мы имеем?

Так в школьные годы она раскрывала перед Кенни Фаулером учебник по химии или физике и тем же терпеливым тоном пыталась донести до него смысл заковыристых формул. Правда, терпения ей хватало ненадолго, и тогда Джо принималась пинаться, обзывала его тупой псиной и лупила учебником по голове. Но это тоже помогало.

— Убиты двое, — начал Фаулер. — Мужчины. Не местные. Первого обнаружили при плановом обходе неделю назад в за-

брошенном коптильном цеху в районе старого рыбацкого порта. Второго — сегодня, у дороги к тому же порту. Гэри Бланк проезжал мимо на своем грузовичке. По его словам, хотел подобрать пару железяк, сарай подпереть. Сам бы он труп не заметил, но собака выпрыгнула из кузова и... Гэри вызвал наших, парни по инструкции проверили труп амулетами и тогда уже дернули меня. Я как раз привез миз Аллен, заскочил в участок и собирался к тебе... Вот. Следов, в смысле немагических, я не нашел. В первый раз было поздно. Во второй — дождь. Магический ты сама видела... Смерть в обоих случаях наступила в течение короткого времени от кровопотери. Жертвам затыкали рот, связывали... Способ фиксации и узлы не повторяются, положение тел разное. В первом случае использовались металлические конструкции цеха. Руки жертвы вытянули над головой, связали вместе, веревку обмотали вокруг трубы. Ноги развели в стороны и зафиксировали отдельно. Во втором случае жертву растянули... э-э... звездой. Использовали колышки, как для палаток... самодельные...

— Что говорит о том, что оба убийства наверняка спланировали заранее, — продолжила Джоан. — Вряд ли кто-то без дела шатается по острову с веревкой и колышками и раздумывает, к чему бы их приспособить.

— Бывает, подростки выбирают за город с палатками...

— Только не в район старого порта. Там нет пляжа. Но версию с подростками я не отметала бы. Мучают же некоторые из них котов и бродячих собак? А тут — бродячие люди... Стоит заскочить в школу, поинтересоваться, не замечали ли за кем-то из детишек подобных наклонностей в сочетании с неплохим знанием анатомии. Хотя расположение артерий можно и в справочнике посмотреть. А после проверить, как быстро человек истечет кровью, если перерезать плечевые и бедренные. Главное, нож поострее найти, чтобы одним росчерком — через одежду и до кости...

— Дарнийцы казнили так пленных, — хрипло проговорил Фаулер. — Видел однажды. Подвесили за руки, и...

...земля под телами размякла от крови. Он подошел, чтобы снять парня из своей части (тот был мальчишка совсем), поскользнулся и упал лицом в кровавую грязь...

— Кто-то еще мог видеть. — Джо словно невзначай коснулась его руки, возвращая в настоящее. — Или читать о подоб-

ном. Нам бы понять, каким образом их связывали. По голове, чтобы вырубить и скрутить, судя по протоколу вскрытия, не били. Снотворное? В первом случае — точно нет, по второму подождем результатов экспертизы, но... сомневаюсь... Ведьмовские зелья? Их обнаружить труднее. Или магическая заморозка... Правда, след совсем не похож. Если убийц несколько, один мог угрожать жертве оружием, а другой или другие — связать. В одиночку и с пистолетом и с веревкой не справишься... И зачем? Зачем кому-то убивать бродяг? Если мы говорим все же не о детишках с извращенными наклонностями или каких-нибудь других...

— Психах, — закончил Фаулер. — Я думал об этом. У них там есть ветераны. Некоторые как раз после войны и того... Или во время. Все мы немного...

— Все, — мягко согласилась Джо. — Нужно проверить. А я поищу информацию о ритуалах с кровопусканием. Мало ли.

— Спасибо.

— Не за что. — Она усмехнулась. — Я же должна тебе за то, что подбрасываешь мне помощников. Кстати, дело этой Аллен у тебя? Дашь почитать? Интересно, за что ее отправили под крылышко к Эдне Кроули.

— Да там... мутная история...

— Тем более. Люблю мутные истории.

ГЛАВА 3

Тратиться на покупку будильника Марти не стала. Она всегда вставала рано, а за последние годы и вовсе не проспала ни разу. Режим, чтоб его.

Проснулась. Вскипятила воду, развела в надтреснутой чашке купленный накануне кофейный порошок. Намазала джемом зачерствевшую за ночь булку.

Без пяти девять уже спустилась на улицу, как и вчера не встретив никого из соседей. Вечером она слышала шаги в коридоре, хлопанье дверей и далекую музыку, но теперь дом опять казался нежилым.

Все ушли на работу?

И где эти все работают?

На консервном заводе?

О наличии на острове других более-менее крупных предприятий Марти не слышала. Чем же тут живут? Как?

Не то чтобы это всерьез ее занимало, но совсем ни о чем не думать трудно, а думать о том, о чем думалось, не хотелось. Вот и приходилось как-то себя развлекать в ожидании Джо.

Дурацкое имя. До знакомства с его обладательницей Марти была уверена, что Джо — это мужчина.

Хотя, когда кто-то говорит «Марти», тоже ведь не сразу разберешься.

«Тебя назвали в честь соседского мальчишки?» — пошутил Томми, услышав, как к ней обращаются в госпитале. Сам он никогда так...

Она тряхнула головой, отгоняя неуместное воспоминание. Да хоть бы и в честь мальчишки!

А Джо задерживалась.

Марти уже заподозрила, что о ней забыли и придется звонить лейтенанту Фаулеру, когда из-за угла показался старенький блекло-голубой «жучок». Однако управляла машиной не давешняя дамочка, а незнакомый молодой человек лет двадцати пяти.

— Миз Аллен? — спросил он, выскочив из авто. — Мартина Аллен?

Один в один вчерашняя встреча с Фаулером. Только на медведя, в отличие от лейтенанта, худощавый и светловолосый паренек ничем не походил.

— Я — Адам, — представился он. — Миз Гарнет просила за вами заехать.

— Кто?

— Миз Джоан Гарнет... Джо. — Он покраснел, будто сказал что-то неприличное. — Она занята в архиве. Просила извиниться, что не смогла приехать сама.

Маловероятно, что женщина, которую Марти видела в кафе, имела привычку извиняться, но вряд ли в городе была вторая Джо.

— Она дала мне свою машину, — с гордой радостью сообщил парень.

Однозначно не медведь. Разве что плюшевый медвежонок. Но скорее — щенок. Только хвоста не хватает, чтобы вилять им, пока говорит о любимой хозяйке.

А говорил о ней Адам много.

Повторил, что миз Гарнет занята и по этой причине попросила его забрать Марти, но не везти сразу в архив, а покататься по городу. Потому что Марти тут новенькая, а миз Гарнет просто нереально добра... И, видимо, действительно занята чем-то важным, раз выставила разговорчивого помощника из архива и пожертвовала машиной.

Что ж, против экскурсии Марти не возражала.

Ей показали мэрию, банк, почту, больницу, кинотеатр, школу и стадион. Свезили на пристань. Быстро прокатили мимо полицейского участка и медленно — вдоль ограды городского парка.

— Тут мало интересного, — признался Адам таким тоном, словно лично строил этот город и теперь стыдится результата. — Если хотите, проедемся к маяку. Оттуда хороший вид. Иногда можно разглядеть берег материка. А в паре миль к центру острова есть развалины древнего храма. Двенадцатый век Эпохи Воды... Или девятнадцатый. Миз Гарнет рассказывала, она хорошо знает историю. А я, честно сказать, не очень...

— Вы тоже неместный? — предположила Марти.

— Да. То есть нет. Неместный. Мы здесь всего полгода. Сестре порекомендовали... Порекомендовали приехать сюда... — Парень стиснул губы, вцепился в руль побелевшими от напряжения пальцами и умолк. Надолго. Сделал еще круг по городскому центру: мэрия, кинотеатр, почта... — Вам все равно расскажут, — произнес он, на что-то решившись. — И расскажут не так. Вивиен не сумасшедшая. У нее есть определенные проблемы с общением и случаются такие... навязчивые состояния... Но и только. А здешняя лечебница похожа скорее на санаторий. Не то что другие... Мне есть с чем сравнивать, поверьте. В тех, других, такая гнетущая атмосфера, все мрачно, уныло... Вив там становилось лишь хуже. А здесь ей хорошо. На Карго-Верде вообще хорошая энергетика. Я — не маг, но... Это чувствуется, правда. Вы же слышали о теории распределения силы? Энергия распространяется по воде, а концентрируется на суше. На островах или на материках... Но на островах концентрация плотнее. Площадь материков больше, поэтому энергия рассеивается. А на мелких островах, как вот острова Священного Архипелага... Или на Карго-Верде, хоть он и не такой маленький. Но фон тут

благоприятный. Поэтому на острове и построили тюрьму, а потом — лечебницу.

Связи между тюрьмой и энергетикой острова Марти не уловила. Ладно лечебница, тут без вопросов. Но тюрьма? Неужели правительство так печется о здоровье заключенных? Или фон острова способствует их скорейшему раскаянию и становлению на путь исправления?

— Мне миз Гарнет рассказывала, — сослался Адам на непререкаемый авторитет начальницы. — О теории распределения и об острове. Она много об этом знает. И вообще много знает. Обо всем...

Он вернулся к излюбленной теме восхваления бесподобной, умнейшей и добрейшей миз Гарнет и, казалось, напрочь забыл о больной сестре. Но теперь Марти чувствовала при творство в каждой фразе.

Нет, Джоан он восхищался вполне искренне. А вот с щепящим восторгом переигрывал. Люди часто пытаются прятать боль под улыбкой. Год-другой тренировок, и маска прирастает к лицу, надежно скрывая истинные чувства от посторонних глаз. Адаму пока еще не хватало практики.

Они проехали все же к маяку. День, не в пример вчерашнему, был ясным и солнечным, море — спокойным, но разглядеть материковый берег не удалось. Адам объяснял это какими-то оптическими эффектами, о которых знал конечно же от миз Гарнет, но, поскольку сам он в этом, так же как в магии и истории, ничего не смыслил, дальше повторения услышанных когда-то фраз не ушел, и Марти мало что поняла.

Затем наконец-то поехали в архив. Тот располагался на центральной площади, недалеко от мэрии, и Марти удивилась, как не заметила его, проезжая тут в первый раз. Серая каменная башня — неширокая и невысокая, всего в два этажа, — действительно не сразу бросалась в глаза. Зато стоило обратить на нее внимание, как она вдруг выползала на первый план, затмевая все остальные здания. Марти убедилась в этом, пока Адам парковал машину на стоянке и когда они подошли к газетному киоску: башня была видна под любым углом, с любой стороны площади. Вернее, видна была преимущественно башня. Марти попробовала сфокусироваться на мэрии, но башня продолжала маячить на периферии зрения. Повернулась к ней спиной — хитрая башня отразилась в высоких окнах банка.

— Входите. — Адам придержал тяжелую деревянную дверь. Странностей он то ли не замечал, то ли уже привык к ним. — Только не шумите. Если миз Гарнет еще работает...

Работала.

Сразу от двери начинался большой круглый зал. Много больше, чем можно предположить, глядя на башню снаружи. И не заставленный, а обставленный стеллажами и низкими каталожными шкафами, аккуратно и экономно, так что те ничего не загораживали, не мешали проходу и не заслоняли узких высоких оконцев, сквозь которые в помещение щедро лился солнечный свет, оставляя без дела подвешенные к потолку лампы. А в центре зала сидела за большим столом миз Гарнет, задумчиво морщилась, перебирала закладки в книгах, выписывала что-то и никак не реагировала на остановившихся прямо перед ней людей. Со вчерашнего дня она, казалось, не переодевалась и не причесывалась, и единственным изменением в ее облике был торчащий из пучка на макушке карандаш.

Марти кашлянула. Не удостоившись даже взгляда, постучала по столешнице.

— Станцуй еще! — рявкнула, не отвлекаясь от чтения, Джо. Адам запоздало зашикал.

На него архивариус посмотрела. Страдальчески вздохнула и отложила книгу.

— Который час?

— Почти полдень, миз Гарнет, — отчитался парень. — Я показал миз Аллен город, как вы просили, и маяк, и...

— Могли бы погулять еще немного. — Женщина потянулась в кресле, откинулась на спинку и забросила на стол ноги в стоптанных спортивных туфлях. — Но не гнать же вас теперь, да?

Марти равнодушно передернула плечами. Хочет — пусть гонит. И сегодня, и завтра, и вообще до конца испытательного года.

— Размечталась, — фыркнула Джо. И встала.

Как-то... неправильно встала. Сразу. Вся. Притом что только-только практически лежала в кресле... и на столе частично...

Приблизилась к Марти, оказавшись почти на голову выше, и заглянула в лицо.

— Мыслей я не читаю, — сказала строго. — Но случается, угадываю. Двигаюсь нормально. То, что тебя озадачило, — эф-

фект временного и пространственного искажения. Ты привыкнешь к башне, башня привыкнет к тебе, и это пройдет... Адам, — она обернулась к помощнику, — надеюсь, ты купил кофе?

— Нет. — Парень растерянно замотал головой. — Вы не говорили.

— Видимо, забыла. Но тебе же нетрудно смотаться к Шеймусу? И Мартине возьми стаканчик. Шоколадно-орехового, ей понравится. И к кофе что-нибудь.

Она не просила — отдавала приказы. А Адам и рад был их исполнять: в секунду выскочил за дверь, и Марти поспорить могла, что временные и пространственные искажения в данном случае ни при чем.

— Не верь мальчишке, — сказала Джоан Гарнет, проводив помощника взглядом.

— В чем?

— Ни в чем. На всякий случай. Адам не врет, честный мальтый, чего уж там... Но он рассказывает свою правду, а она сильно отличается от реальности. Он уже успел сообщить тебе, какая я замечательная?

— Я не поверила.

— Молодец, — с усмешкой похвалила Джо. — А о сестре говорил?

Марти кивнула.

— Я ее не видела, — сказала архивариус. — Понятия не имею, что у нее за проблемы. Но они с Адамом — близнецы. Дальше, думаю, объяснять не надо.

— Это ничего не значит, — осмелилась возразить Марти. — Энергетические связи близнецов, как и любые кровные связи, бывают разными по структуре и направленности потоков.

Она немало могла бы рассказать о близнецах: приятель-сорусник болел этой темой. У него был брат-близнец, и приятель мечтал максимально усилить свою связь с ним, так что все аспекты магических, эмпатических и прочих связей изучил досконально и мог часами пересказывать различные теории. А Марти, на тот момент оставшаяся круглой сиротой, завидовала уже тому, что у него просто был брат...

— Избавь меня от этой заумной хрени, если не хочешь выслушать в ответ еще более заумную, — отмахнулась Джо. — Я тебя предупредила. Дальше — сама решай, считать Адама

нормальным или нет. Просто постарайся не обижать его, хорошо? В любом случае он неплохой парень. А что до остального... Все мы немного двинутые, как говорит один мой друг. Адам, по крайней мере, не имеет привычки лапать документы жирными руками, как девица, что работала до него. И вчера он весь день был тут, со мной, а не бродил у старого порта...

К чему было последнее уточнение и с какой стороны оно характеризовало Адама, Марти не поняла, но решила, что это ей и не нужно. В конце концов, архив — временная работа, а Джоан Гарнет и Адам — временные люди в ее жизни.

— Пошли. — Джо поманила пальцем. — Покажу, чем будешь заниматься. Только не пугайся, бардак там жуткий.

Оглядевшись, Марти заметила уводящую на второй этаж лестницу, составленную из причудливо переплетенных металлических прутьев, изогнутой лозой стелившихся по стене.

— Э нет. — Архивариус покачала головой и ткнула пальцем в потолок. — Там — мои личные апартаменты. Частная собственность. Попробуешь сунуться — считай, что нарушила условия досрочного освобождения, и я сама отвезу тебя к Эдне. Ясно?

— Ясно, — нахмурилась Марти. Она, между прочим, и шагу не сделала. Не обязательно было напоминать о ее зыбком положении. — Тогда... в подвал?

— Тут нет подвала. Только второй этаж, первый, еще раз первый, снова первый, опять первый... Понятия не имею, сколько их всего. Подозреваю, что при желании можно докопаться до архивов Эпохи Сотворения. Но у меня такого желания нет. Поэтому поддерживаем в порядке этот первый, тут документы за последние сто лет, и пытаемся разобраться на ближайшем первом, где мои предшественники устроили свалку с начала новой эпохи. Потому что неким му...жам ученым с континента пришла в головы гениальная мысль осенью нагрязнеть с ревизией. Идем уже...

«Все мы немного двинутые», — мысленно согласилась с недавно услышанным выражением Марти. Но спрашивать о чем-либо снова не стала. Пристроилась следом за Джо, которая неторопливо обходила по кругу зал...

...и уже на втором шаге провалилась в прохладный и пыльный полумрак. Споткнулась обо что-то, хотела вскрикнуть, но вместо этого замерла и с чувством выговорила:

— Твою ж мать!

— Я предупреждала, что тут бардак. — Джо явно наслаждалась эффектом. — Погоди, сейчас свет включу.

— Но это... это...

— Башня, — торжественно представила миз Гарнет.

Марти почувствовала, что ее провели, как ребенка. В хорошем смысле. Как тогда, когда обещают карамельку, а приносят коробку шоколада.

В лечебницу Фаулер приехал к полудню. Можно было добраться быстрее, срезав путь через центр острова, но он выбрал дорогу вдоль побережья. Близость моря успокаивала, врывающийся в окошко ветерок освежал, думалось хорошо...

Но не о хорошем.

С молчаливого согласия шефа Раннера, другие полицейские дружно отмахнулись от этого дела. Убийства, да. Но магические же? Значит, не их забота, а отдела Фаулера. И плевать, что Фаулер и есть отдел. Со сбором информации и опросом свидетелей, если таковые отыщутся, обещали помочь, но доверия к этим обещаниям не было. Да и правда — какие свидетели? Маловероятно, что горожане хотя бы опознают погибших.

Бездомных в городе не жаловали и если зимой еще кое-как терпели, а некоторые даже подкармливали из сострадания, то летом бродяги уходили от греха подальше. Кормились тем, что море пошлет, обворовывали понемногу огороды или таскали кур...

«Поселки и фермы придется объехать», — мысленно составил пометку лейтенант. Но и это мероприятие было заведомо провальным. Даже если узнают. Даже если вспомнят, что убитые в прошлом месяце зарезали и съели любимую козу какого-нибудь фермера Джона. Потому что фермер Джон, захоти он отомстить за козу, попросту пристрелил бы обоих на своей земле и вызвал полицию. Или, если не верит в милость правосудия, скормил бы трупы свиньям, закопал бы, сжег, скинул в море... В общем, нашел бы, как от них избавиться, а не тащил бы еще живых бродяг к старому порту.

Не такие это были убийства. Не нормальные.

В убийствах в принципе ничего нормального нет. Но эти — совсем ненормальные. Как и тот, кто их совершил.

А где искать ненормальных на Карго-Верде — всем известно.

Притормозив у пропускника, лейтенант посигналил, высунулся из окошка и помахал дежурившему в будке охраннику. Тот махнул в ответ, и автоматические ворота медленно отворились.

Фаулера тут знали. В прошлом году он расследовал попытку кражи стабилизаторов фона — частично магических устройств, установленных по периметру территории лечебницы. В этом — несколько раз приезжал с Адамом. Был он знаком и с Лоуренсом Эверетом, человеком неместным, но почти считавшимся таковым: доктор приехал на остров лет двадцать назад и около десяти уже руководил лечебницей. Но начать стоило с того, что охранниками тут работали бывшие коллеги Фаулера. Платили здесь хорошо, и многие в Карго-Верде не отказались бы от такой работы, но Эверет ответственно подходил к подбору персонала и нанимал лишь тех, кто имел соответствующие навыки и опыт: полицейских, бывших военных — не просто воевавших, в таких сейчас недостатка не было, а настоящих обученных военных, — а еще больничных сестер и сиделок. С одной стороны, горожане получали хорошооплачиваемую работу. С другой — город лишался нужных людей...

Но эти проблемы не Фаулеру решать. Ему бы с убийствами разобраться.

— Здорово, Чип, — кивнул он, остановившись у будки. — Я к доктору Эверету.

— Давно пора, — хохотнул охранник.

Машину пришлось оставить и дальше идти пешком по присыпанным песком дорожкам, мимо ажурных беседок, аккуратных «курортных» домиков, пестрых клумб и журчащих фонтанчиков, стараясь не слишком пристально разглядывать попадавшихся на пути пациентов. Пожилая дама, гулявшая в сопровождении сиделки, подозрений не внушала. Два господина в летах, но еще далеко не дряхлые, — уже ближе. Как там сказала Джо — один держит на прицеле, второй связывает? Или парень — ровесник Адама... А, нет, это — санитар. Хотя, когда работаешь с сумасшедшими, недолго и самому...

Самому вообще недолго. Как-то же попадают сюда? И не только те, чей разум расплющило войной. У каждого свои при-

чины... Но мысль о том, что психа необязательно искать в психушке, Фаулер отогнал. Пока.

Доктор Эверет, предупрежденный охраной, ждал его на крыльце главного корпуса. По документам заведующему лечебницей было немногим за шестьдесят, но выглядел он значительно моложе и с момента первого появления на острове, кажется, практически не изменился. Фаулер подозревал, что без магии тут не обошлось. Или без краски для волос, ведь Эверет, как и многие целители, выдающимися магическими способностями похвастать не мог. Краска и притирания какие-нибудь. Потому что, даже если доктор от природы жгучий брюнет, к его годам седина уже должна появиться. И залысины. Но чего не было, того не было. Была густая шевелюра без проплешин, импозантные усики, высокий лоб почти без морщин, тонкий нос с горбинкой и внимательные черные глаза. Этакая профессиональная внимательность, словно перед ним потенциальный пациент, и, если бы невысокому и худощавому доктору не приходилось смотреть на полицейского снизу вверх, впечатление было бы полным.

— Добрый день, лейтенант. Что вас к нам привело?

Фаулер внутренне поежился от прозвучавшего в этом вопросе участия — такого же профессионального — и ответил мрачно и значительно:

— Дело.

На большее его не хватило. Тон беседе задавал Эверет. Не вышло обескуражить, заставить врасплох, спровоцировать на невольную откровенность.

Доктор мягко подтолкнул под локоток, приглашая пройти по узкой аллейке. Слушал внимательно. Отвечал спокойно и вежливо:

— Я понимаю ваши подозрения, лейтенант. Даже разделяю в чем-то. Человек, совершивший такое, бесспорно, имеет проблемы с психикой. Но среди моих пациентов его нет. И не будет. Я не работаю с подобными, не моя специализация. Люди, которые проходят лечение на Карго-Верде, в большинстве своем вообще не склонны к проявлениям агрессии. Они не опасны для общества. Скорее общество опасно для них, потому их близкие, а в некоторых случаях они сами выбирают нашу лечебницу. К сожалению, в умах обывателей закрепились в корне неверные ассоциации...

Он говорил, а Фаулеру оставалось только кивать.

— Если желаете, организую вам экскурсию, и вы сами убедитесь, что пациенты физически не могут покинуть охраняемую территорию. Только в сопровождении ответственного лица — родственника или кого-либо из персонала. Разрешение на выход подписываю я лично, лечащий врач или палатная сестра отмечают в распорядке больного дату и время, а охранник фиксирует уход и возвращение в журнале. Вчера, к примеру, таких прогулок не было, как и посетителей.

— Возможно, убитые были знакомы с кем-то из ваших пациентов? — Фаулер достал из внутреннего кармана сделанные полицейским фотографом снимки. — Или работников?

«Или с вами», — добавил про себя.

Эверет мазнул по фотографиям едва заинтересованным взглядом. Не узнал. Или же искусно притворялся.

— Оставьте, — разрешил великодушно. — Я побеседую с персоналом. Что до пациентов... Вряд ли разумно показывать им портреты мертвецов. Если бы у вас имелись прижизненные снимки... Но это — нет, простите.

Фотографии Фаулер оставил. Задал еще несколько вопросов. Убедился, что запись посетителей тут также ведется, и заручился обещанием доктора предоставить ее при необходимости. И при наличии ордера, разумеется. Пребывание в лечебнице некоторых... да практически всех пациентов их семьями не афишировалось, и имена родственников, а значит, и самих больных защищала врачебная тайна, нарушать которую Эверет без веских причин и соответствующих постановлений не собирался.

— Сожалею, что не смог быть вам полезен, лейтенант.

— Я тоже. Сожалею.

— Если желаете узнать что-нибудь еще...

— Я свяжусь с вами, если возникнут новые вопросы. А пока... Я бы повидался с миз Кейдн, с вашего позволения.

Чтобы посещение лечебницы не прошло совсем уж впустую.

Адам порадуетесь вестям от сестры, да и самой Вивиен, возможно, будет приятно... Хотя в последнем Фаулер не был так уж уверен.

— Я предвидел ваше желание, — с улыбкой доброго волшебника заявил Эверет. — Прошу.

Через пару десятков ярдов тропинка, по которой они шли, заканчивалась, упираясь в маленький, огороженный диким камнем прудик. Вокруг рукотворного водоема медленно прогуливалась девушка в длинном белом платье. Сейчас Фаулер видел ее со спины, но эту тоненькую фигурку и невесомую поступь невозможно было не узнать.

— Не стану вам мешать. Всего доброго, лейтенант.

Дождавшись, пока Эверет отойдет достаточно далеко, Фаулер направился к девушке. По пути сорвал с куста алую розу. Женщинам ведь нравятся цветы? Большинству из них.

В пруду, лениво шевеля плавниками, плавали золотые карпы. Фаулер где-то слышал, что созерцание этих рыбин настраивает на умиротворяющий лад, но ему они навевали мысли о еде...

— Миз Вивиен, — позвал он негромко, чтобы не напугать.

Девушка обернулась. Тревога, мелькнувшая в больших голубых глазах, сменилась узнаванием, и по-детски пухлые губы приоткрылись в улыбке.

Лейтенант улыбнулся в ответ. Еще опасаясь приблизиться, вытянул вперед руку с розой, и Вивиен сама сделала шаг навстречу.

— Здравствуйте.

Голосок у нее был тонкий и нежный. Трепетный? Да, пожалуй. Если лейтенант правильно понимал значение этого слова.

Она вся была такая. Трепетная. Хрупкая. Ранимая... Настолько, что желание защищать это воздушное создание просыпалось внутри где-то на уровне инстинктов...

— Здра...

Он осекся, увидев, как девушка вдруг отступила назад.

В ту же секунду за спиной раздался грозный окрик:

— Вы!

Фаулер развернулся рывком: по тропинке к нему спешил, запыхавшись от быстрой ходьбы, грузный мужчина средних лет в форме полковника авиации, но с усами прямо-таки генеральскими.

— Вы из полиции! — выпалил он обличительно. — Я слышал!

Фаулер успел перехватить растерянно-извиняющийся взгляд Вивиен, прежде чем девушка скрылась за плотной сте-

ной растущих на другой стороне прудка кипарисов. Вздохнул и вставил не отданную ей розу в петлицу.

Как раз и полковник подоспел.

— Вы обязаны вмешаться! — потребовал он, подступив вплотную. Пышные, присыпанные сединой усы грозно шевелились. — Это возмутительно! Неправильно! Совершенно неправильно, понимаете?

Следовало поискать кого-то из медперсонала, но лейтенант рассудил, что человек, которому позволено гулять без надзора, вряд ли опасен для себя или окружающих. А слова о чем-то неправильном и требующем вмешательства насторожили.

— Идемте, — приказал полковник и, уверенный, что его не посмеют послушаться, зашагал впереди, показывая дорогу.

Далеко идти не пришлось.

За кустами сирени обнаружилась беседка, а в ней — еще один пациент. Мужчина в полосатом пижамном костюме стоял у мольберта с карандашом в руке, никак не решаясь начать рисунок, и, что именно в нем неправильно, Фаулер понял не сразу. Лишь обойдя беседку и взглянув на художника с другой стороны, увидел, что глаза у того завязаны платком.

— Вот! — возмутился полковник. — Вы должны арестовать его! Это же совершенно неправильно! Так нельзя!

— Можно, — спокойно откликнулся человек из беседки.

И начал... Нет, не рисовать — беспорядочно водить карандашом по бумаге.

Чего еще ждать от психа?

— Невероятная наглость! — продолжал негодовать полковник. — Вы умерли? Так отправляйтесь на кладбище! Или хотя бы ведите себя как приличный покойник!

Почему Фаулер не ушел?

Не смог.

Было во всем этом что-то действительно неправильное. И в возмущении усатого полковника. И в человеке в пижаме. И в рисунке.

Да, это все-таки был рисунок. Непрерывная кривая, изогнутая и изломанная сотни, тысячи, а то и сотни тысяч раз, превращалась в портрет. Женский. Достаточно четкий, чтобы по нему опознать ту, что изображена на нем. Фаулер точно опознал бы...

Но художник, сорвав повязку, придирчиво всмотрелся в рисунок, и смятый лист полетел на пол.

— Так-то лучше, — успокоился полковник. — Но все же вы — неправильный мертвец.

— Да, — глухо отозвались из беседки. — Я знаю.

— Почему вы — мертвец? — вмешался в странный диалог Фаулер.

— Потому что я умер, — ответил художник. Он был далеко еще не стар. Худ. Небрит, отчего казалось, что лицо его измазано угольной пылью. В темных волосах, остриженных коротко и неровно, поблескивала седина, а тонкие пальцы с обгрызенными ногтями нервно подрагивали. — Погиб весной шестнадцатого года.

— Вам повезло, — неожиданно для себя вывел Фаулер. — Могли дожить до лета.

— О, лето шестнадцатого! — подхватил полковник. — Ликардийская коса, да...

Художник молчал. Не дожившим в тот год до лета нечего вспомнить о Ликардии.

— Лейтенант. — Доктор Эверет, словно из воздуха появившийся рядом с беседкой, укоризненно покачал головой. — Я не вижу тут миз Кейдн.

— Простите, я...

— Я вас провожу, — доброжелательно улыбнулся доктор.

Почти дойдя с ним до ворот, Фаулер отважился на вопрос:

— Тот человек назвал себя мертвецом. Почему?

Эверет мог прикрыться врачебной тайной. Но не стал.

— Так бывает, — проговорил медленно. — Наш разум — это механизм, и иногда он дает сбой. Тот человек действительно мог погибнуть на войне. Получил тяжелое ранение... Но его вылечили, причем довольно быстро, и за несколько месяцев он, как говорят, вернулся в строй. Прошел всю войну, был представлен к наградам. После — демобилизован. Начал обустраиваться в мирной жизни, встретил прекрасную девушку... А потом что-то случилось, и разум вернул его в момент ранения и создал некую новую реальность, в которой никто не пришел на помощь. И человек умер. В своем воображении, естественно. Но тем не менее... Некоторое время он и вел себя как умерший. Не ел, не пил, не реагировал на происходящее вокруг. Имел все шансы превратить болезненную фантазию в ре-

альность. Но его удалось поднять на ноги... так сказать... Однако сознание продолжает противиться тому факту, что он жив. Он не помнит, что было с ним после ранения. Не ест, не пьет и не спит, если этому не поспособствовать. Но, видите, начал выходить из палаты и даже проявляет интерес к творчеству... Это успех, я полагаю.

Фаулер полагал, что вся история была рассказана, чтобы дать Эверету произнести последнюю фразу. Доктор отчаянно, просто невыносимо гордился собой, и гордость эта требовала признания.

— А что с полковником? — поинтересовался, используя момент, лейтенант. — Тоже военная травма?

— Нет. Но случай интересный. Вы ведь не сделаете его достоянием общественности? — Доктор вспомнил о целительской этике и засомневался. Но не сдержался. Опять. — Господин полковник в войне не участвовал. Сломал ногу незадолго до ее начала и известие о вероломном нападении Дарнии получил, находясь на больничной койке. Однако в стороне он остаться не мог. Следил за ходом боевых действий, читал газеты, слушал радиосводки... И да, также создал для себя иную реальность, в которой его эскадрилья вела ожесточенные бои с противником. К счастью, это вскрылось до того, как он оправился от травмы и должен был вернуться в свою часть. Так что полковника вовремя изолировали.

— Зря, — искренне сказал Фаулер. — Он мог неплохо послужить империи. Как и другие отважные безумцы.

— Возможно, — не спорил доктор Эверет. — К слову, о войне и ее последствиях. Надеюсь, вы простите мне небольшую бестактность, но в городе я случайно, совершенно случайно, узнал вашу историю. Видимо, вы обмолвились не в той компании, и слухи...

Он был пьян в тот вечер. Свински пьян. Отвратительно свински пьян.

Но лучше бы выпил еще больше и не мог даже языком ворочать.

А язык, как назло, и не заплетался даже.

Теперь весь город знает.

Кто-то сочувствует. Кто-то злорадствует. Кто-то вот с психiatрами делится.